Лит. Россия. — 1994. — 16 сент. — с. 13.

СМЯТЕННАЯ МУЗА МОЛЧАЛА

(Полесская одиссея Александра Блока)

Блок Александр

16.9.94

Июль 1916-го. Уже два года на огромных просторах Европы — от Адриатического моря до Балтийского — полыхает пожарище беспощадной войны — первой мировой. Все больше и больше втягивалась в эту жестокую бойню Российская империя. Говорить о настроениях, царивших в третьем военном лето в русском народе, вряд ли стоит. Тем паче в среде людей, окружавших Александра Блока. И все-таки весть о мобилизации в действующую армию он воспринял спокойно. Более того, поэт готовился к призыву, ждал его, о чем свидетельствуют многочисленные документы тех дней.

«...Сегодня, — пишет Блок матери в Шахматово 7 июля, — я, как ты знаешь, призван. Вместе с тем я уже сегодня зачислен в организацию Земских и Городских Союзов: звание мое — «табельщик 13-й инженерно-строительной дружины», которая строит укрепления; обязанности — приблизительно — учет работ чернорабочих; форма — почти офицерская — с кортиком, на днях надену ее... Начальник дружины меня знает. Сам он — архитектор. Более подробно напишу потом. Паспорт уже отдал, и он заменен свидетельством, завтра получу подъемные (недостаточно, придется трахать свои деньги). Получу бесплатно проезд во втором классе. Оклад — около 50 р. в месяц. Поеду недели через две, а возможно, и раньше...»

Но уже назавтра, вдогонку отправленному накануне письму поэт сообщает Александре Андреевне: «Мама, я обязан выехать 26-го, так что у меня два дня на подготовку. Я надеюсь, когда закажу форму, дня на три заглянуть в Шахматово...»

Александр Блоку предстояло по тем временам неблизкий путь: из душного Петрограда на юго-запад, в Пинские болота, где окончательно увязли передовые восточные линии кайзеровской армии и западные — русской.

На станции Лунинец — последней большой станции перед Западным фронтом — в толпе военного люда поэт сошел с поезда. Дальнейший его путь лежал в глубь Полесья, в деревню Камень Пинского повета, в штаб 13-й инженерно-строительной дружины. Ближайшим поездом, идущим к фронту, Блок доехал до станции Ловча, что в двенадцати километрах западнее Лунинца. Далее ему предстояло ехать по узкоколейке, на скорую руку проложенной по болотистой низине на юг от основной магистрали.

«...В Камень я добрался по узкоколейке на мешках с мукой», — напишет поэт матери в первом письме из дружины.

Не успев как следует обжиться в Камне, Блок с группой сослуживцев, спустя два дня перебирается в Парохонск, в усадьбу князя Друцкого-Любецкого — двухэтажный просторный дом с колоннами из белого мрамора. Сразу же за домом, за небольшим, некогда аккуратным, но теперь, по случаю войны, запущенным цветником начиналась широкая луговина, которую невдалеке венчали довольно густые заросли камыша и ольшаника. Там, серебрясь в солнечных бликах, играла легкой зыбью спорая речушка Бобрин. Не один час проведет на ее берегу русский поэт, слушающая глубокою тишину, слушающая свое сердце, свои думы. Много их здесь пропустит через трепетную душу Александр Блок, о чем свидетельствуют письма поэта. Но самое удивительное — за семь месяцев, проведенных в непосредственной близости к фронту, в самой что ни на есть глубинке великой империи он не напишет ни одного стихотворения...

Зато отсюда, из прифронтовой глуши пинского Полесья, Блок пошлет много теплых, трогательных писем — матери в Шахматово, жене Любови Дмитриевне в Петроград, известной певице Л.А.Дельмас, которой посвятил цикл стихотворений «Кармен»... К одному из писем жене поэт прикладывает нарисованную им карту фронтового района. На карте — Парохонск с окрестностями, здесь же, видимо, чтобы Любови Дмитриевне было легче представить, где он находится, Блок отмечает Гомель и Лунинец с железной дорогой до Пинска, Ловча-1 и Ловча-2, Новый Двор, Погост, Камень, Вулька, реки Ясельда и Бобрин...

К служебным обязанностям табельщик А.Блок относился добросовестно, порученную работу выполнял своевременно, за все брался с присущим ему азартом. Сегодня это звучит, конечно, банально и казенно. Но Александр Блок, человек честный и увлекательный, и свою службу принял как нечто необходимое. А дел в дружине было невпроворот, часто приходилось перебираться с места на место. Это поэта не пугало, даже, наоборот, радовало, было ему в охотку. К тому же Блоку сразу по прибытии в Парохонск сослуживцы подали отличного скакуна.

«...Эти дни я много ездил верхом и сегодня проеду верст 30. Это приятно...» — заканчивает поэт письмо матери из Парохонска, датированное 11 августа. А спустя три дня, уже из деревни Колбы, что значительно южнее Парохонска, он пишет жене: «Люба, мы здесь живем отрядом — очень примитивно, но хорошо и дружно... Деревня наша уже другая, скоро будет еще другая, письма и пищу присылают из «штаба» — верст 35. С болота неподалеку от нас виден город, занятый неприятелем, кругом стоят войска... Рядом с нами — судоходная река. Жизнь совершенно новая, я ее «переносу» с легкостью и не без удовольствия...»

Читая, скажем так, армейские письма Блока (все-таки он не был в полном смысле на передовой, фронтовиком, иначе, безусловно, был бы во власти совсем иных впечатлений и не было бы не то что «удовольствия» от жизни, а полное обратное ощущение), нетрудно понять настроение поэта и даже чувства, переживаемые им. Говоря проще, здесь, на Полесье, вблизи передовой, Блок снова ощутил себя полноценным человеком, ушли в сторону мысли об ущербности и тщете своего бытия, наконец, как он сам считал, он окунулся в настоящую жизнь, — жизнь, которой жил простой народ России. И все-таки поэт до конца оставался символистом: грязь, кровь, смерть — эти неперемные спутницы войны, — пьянство офицеров, карточные игры, ссоры, измены и прочее стали тем барьером на пути к собственно поэтическому творчеству, преодолеть который Блоку удалось не сразу и не просто. И если для него наступила, как он писал жене, «жизнь совершенно новая и он ее «переносил» с легкостью и не без удовольствия», то, конечно же, Блок не мог не знать, не чувствовать сердцем поэта, что для народа война — это, в первую очередь, лишения, страдания и смерть. Этим, по-моему, и объясняется семимесячное «поэтическое» молчание Блока — выдающегося русского поэта, табельщика 13-й инженерно-строительной дружины, выполнявшей работы по сооружению укрепительных рубежей Российской армии...

Если ехать по шоссе Пинск — Ровно, примерно в двадцати километрах

южнее Пинска, слева от шоссе прикорнула небольшая деревушка Колбы. Вокруг — на месте осушенных болот — широкие поля и луга в венце синевато-голубых сосновых боров, темно-зеленых ольшаников, лучистых березняков. Вдоль шоссе невольно бросаются в глаза остатки бетонных укреплений — доты, прочно вросшие в полесскую землю со времен первой мировой. Рядом, словно случайно оброненная среди лозняков и густотравья извилистая, неширокая здесь лента Припяти. По ней тогда и проходила передовая.

В Колбах Блок провел полмесяца — с 14 августа по 3 сентября. Вместе с товарищами по дружине он принимает непосредственное участие в строительстве запасных позиций по линии Камень — Сошно — Лопатино общей протяженностью около пятидесяти километров. Работы велись вручную, тремястами рабочими, большая половина из которых, как отмечал Блок, калеки и просто нетрудоспособные резервисты. С раннего утра и до позднего вечера поэт находился на участке работ, изрядно выматывался. Но стояло бабье лето — удивительная пора на Полесье. С высоких луговин и круч в ясную погоду на западе просматривался Пинск, занятый неприятелем и потому более заманчивый и загадочный.

«...Утром выезжаем верст за пять, по дороге происходит кавалерийское учение — два эскадрона рубят кусты, прыгают через препятствия и проч. Однажды прошла артиллерия. Аэроплан кружится иной раз над полем, желтеет, вокруг него — шрапнельные дымки, очень красиво... С поля виднеется Пинск, вроде града Китежа, — приподнятый над туманом белый собор, красный костел, а посередине — поменьше — семинария. Один день — жара, так что не просыхаешь ни на минуту, особенно верхом. Другой день — сильная гроза, потом холодно, потом сыро. Очень крупные звезды. Большая Медведица довольно низко над горизонтом, справа — Юпитер... Стоит бабье лето, прохладные безоблачные дни, паутина, желтого еще почти нет...»

Затем Блок перебирается в соседнюю с Колбами деревню Лопатино, откуда в последних числах сентября и отбыл в месячный отпуск домой в Петроград. Поэт давно переполнен мыслями и тревогами о судьбе своей драмы «Роза и крест». Ее постановка все откладывалась и откладывалась в столичном МХТ.

Во время отпуска писатель Леонид Андреев пытался привлечь Блока к сотрудничеству в газете «Русская воля». Александр Александрович ответил со свойственной ему прямотой и лаконичностью: «...Все словесное во мне молчит... стихи также никак не выходят...» Ничего не решилось и с постановкой драмы «Роза и крест». Тем не менее надо было возвращаться к месту службы. 2 ноября 1916 года табельщик 13-й строительной дружины А.А.Блок снова сошел с поезда на уже знакомой ему станции Лунинец.

Здесь, в глубине белорусского Полесья, в прифронтовой полосе поэт встретил свое тридцатилетие (16 ноября по ст. стилю. — В.Г.). Но дела службы, а их становилось все больше и больше, не позволяли ему расслабиться. Да и мысли, непростые мысли о прожитом и пережитом, о матери, о жене, о своем творчестве и месте в литературе, о России не давали покоя поэту. А тут еще...

«...Тревожные газеты, которые я теперь постоянно читаю, сильный ветер (мне очень тепло, и я надеюсь прове-

сти так всю зиму). Сейчас, кроме того, горит на востоке, словно леса, словно болота, зарево на половину неба... и рядом с заревом восходит луна...»

С тревогой встретил поэт новый, 1917 год. Плюс ко всему — болезнь: сильная простуда. Но ясная морозная погода первых дней наступившего года, пополнение дружины новыми рабочими отвлекли его от болезни, которая, к слову, прошла быстро и без осложнений.

А 16 января в Парохонск с инспекцией 13-й инженерно-строительной дружины приехала группа инспекторов во главе с генералом Медведевым. Среди прибывших оказались и добрые знакомые Блока — Алексей Николаевич Толстой и Дмитрий Владимирович Кузьмин-Караваев, юрист и историк, недавний руководитель петербургского «Цеха поэтов».

На следующий день, сразу же после отъезда инспекции, поэт напишет матери: «...Вчера приехал генерал, остался доволен, благодарил нас (при нем были мои приятели Д. Кузьмин-Караваев и Ал. Толстой, с которым мы целовались, и другие)».

А вот как описывает встречу с Блоком в прифронтовом Парохонске Алексей Толстой: «...Через несколько минут вошел заведующий, худой, рослый, красивый человек, с румянцем от мороза лицом, с заиндевевшими веками. Все, что хотите, но я никак не мог ожидать, что этот заведующий — Александр Блок. Он весело поздоровался и сразу же развернул конторские книги. Когда сведения были отосланы генералу, мы с Блоком пошли гулять. Он рассказывал мне о том, как тут хорошо жить, как он из десятиков дослужился до заведующего работами, сколько времени он проводит верхом...»

Инспекция уехала к вечеру следующего дня. Снова потянулись, потекли однообразные, скоротечные, как февральская поэмка, дни, по завязку заполненные служебными делами. Незаметно наступил март. В одном из последних писем из армии поэт пишет: «Мама, письма твои я получаю, хотя и с большим опозданием. Здесь все по-прежнему — наскутило все всем... Естественно, что меня интересует, кроме коня и шахмат, мысль об отпуске...»

9 марта (25 февраля по ст. стилю) 1917 года царь Николай II отрекся от престола. В тот же день вечером Блок сообщает матери: «Мама, я собрался после 15-го в отпуск и увижу тебя... Не предупреждай никого насчет моего приезда в Петербург...»

17 марта Александр Блок все на той же станции Лунинец сел в поезд, идущий с фронта в столицу. Больше на Полесье поэт не возвращался. Хотя...

«...По вечерам иногда, как и сегодня, на меня находят эти грубые, сильные, тяжелые и здоровые воспоминания о дружине — об этих русских людях... пышной осени, жестокой зиме... гатях, вышке, полянах за фольварком Лопатино... белом пароходе, что прозрачным утром плывет среди роши, дубах, соснах, ольхах, Пинске вдали, наших позициях... деревнях, соломенных шестах, Бобринке, князе, Погосте, даях, скачках через каналы... канонаде, грязном бараке, избе Лемешевских... сагерах, больших и малых траверсах, девках, спирте, бабах с капустой, узкоколейке, мостах — все, все. Хорошо!» — запишет Блок в дневнике 4 сентября 1917 года. Это, по-моему, дает все основания сказать: с Полесьем поэт не расставался еще долго, возможно, до конца своих дней, — до конца, что был, к сожалению, не таким уж далеким.

Валерий ГРИШКОВЕЦ